

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАЧИЙ КРЕСТ

5

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

269

ЗАБЫТЫЙ ПОХОД

531

Казачий крест

Влажные комья земли глухо стучали по крышке гроба, и Матвей невольно содрогнулся от этого звука. Только теперь он осознал, что деда, сильного, сурового мужика, больше нет. Что не будет больше долгих молчаливых посиделок за вечерним чаем, не будет его угрюмого ворчания и твёрдых, мужских советов. Дед Роман был родовым казаком, пережившим всё. И войну, и расказачивание, и голодные послевоенные годы, но всегда умудрялся оставаться самим собой.

Станичный кузнец не боялся ни бога, ни чёрта, а к властям всегда относился как к досадному недоразумению. На него несколько раз пытались завести дело, но даже НКВДшные уха-ри отступались, наткнувшись на твёрдое упрямство родового казака. Да и профессия помогала. Лучшего кузнеца во всей округе было не найти, а вменить ему в вину саботаж или некачественную работу не было никакой возможности. Дело своё дед любил и всегда делал на совесть.

Могильщики сформировали могилу и, утрамбовав землю лопатами, быстро отступили в сторону. Глядя на свежий холмик и староверский крест, Матвей слотнул стоящий в горле ком, но так и не смог заставить себя повернуться к могиле спиной. Словно что-то удерживало его на месте. Немногие знакомые и друзья делали робкие попытки вернуть парня в реальность, а он продолжал стоять, словно надеясь ещё раз услышать такой родной голос.

Накрапывал редкий дождь, но Матвей не замечал, как по лицу и шее медленно стекают холодные капли.

— Небо его провожает, — расслышал парень дрожащий старушечий голос.

— Да. Небо, — еле слышно выдохнул Матвей.

Долгий раскат грома заставил его чуть вздрогнуть и очнуться. Тряхнув головой, парень медленно повернулся, но не успел сделать и шагу, как кладбище озарилось ярчайшим ударом молнии. Собравшиеся дружно вскрикнули, закрывая ладонями лица, а когда проморгались, рядом со свежей могилой никого не было. Только выжженная до состояния стекла земля и кучка пепла...

* * *

— Господи Иисусе Христе сыне Божий... — расслышал Матвей сквозь звон в ушах и попытался пошевелиться, но тело отказалось повиноваться.

Мысли текли вяло, словно вязли, как мухи в патоке. Болело всё, даже те мышцы, о существовании которых Матвей и не подозревал. И почему-то было очень тяжело дышать. Словно его заколотили в тесном гробу. Вздохнув, Матвей собрался с силами и сделал ещё одну попытку пошевелиться. Новая вспышка боли в корне пресекла и эту попытку, заставив парня замереть и невольно застонать от боли.

— Хосподи, никак живой?! — ахнул кто-то всё тем же старушечьим голосом.

«А чего это мне живым не быть?» — удивился Матвей, делая очередную осторожную попытку пошевелиться.

— Ой, гляньте, пальцами шурудит! — послышался другой голос, и Матвей, вдруг разозлившись, понял, что просто обязан показать всем, что он не просто живой, а ещё и всех этих ворон переживёт.

Злость и унаследованное от деда упрямство заставили боль отступить, и он, напрягая все силы, заставил правую руку сжаться в кулак.

— Господи, и вправду живой! — охнул мужской голос, и тут же чьи-то сильные, мозолистые ладони сжали его лицо.

Потом кто-то крепко встряхнул его тело и в самое ухо хрипло гаркнули:

— Матвей, сынок, очнись! Дай знак хоть какой!

— Ой, не ори, и так башка отваливается, — попытался высказаться парень, но вместо этого из горла вырвался только сиплый, едва слышный стон.

— И вправду живой, — охнул теребивший его мужик. — Баню топите! — раздался его громовой рык.

Потом Матвей почувствовал, как его подняли и куда-то понесли. Возражать или ещё как-то спорить парень даже пытался. Не было ни сил, ни возможности, ни даже желания. Он вообще не понимал, что вокруг происходит. Ведь последнее, что он помнил, это громовой раскат на кладбище. Потом вспышка, и всё. И вот теперь темнота, боль и какие-то незнакомые голоса вокруг. Да ещё и баня эта. Баня-то тут вообще при чём? У него дома нормальная ванная имеется.

Это было последнее, что успел подумать Матвей. Дальше навалилась спасительная темнота.

В себя он пришёл как-то разом. Словно кто-то повернул выключатель. Сначала он начал различать звуки, потом сквозь закрытые веки начал пробиваться свет, а после снова навалилась боль. Но на этот раз всё было не так плохо, как вначале. Да, снова болело всё, но теперь эту боль можно было хоть как-то терпеть, хотя на глаза наворачивались невольные слёзы.

Кое-как отдышавшись, Матвей принялся осторожно инспектировать собственное тело. Пальцы на ногах начали шевелиться через пару минут упрямых попыток двигать ими. Руки отозвались немного быстрее. А вот с головой всё было не так радужно. Поворачиваться и вообще хоть как-то шевелиться она отказывалась. Первая мысль, мелькнувшая у Матвея, что сломан позвоночник. Но, подавив панику, он напомнил себе, что в этом случае и глаза бы не открывались.

Да и вообще, подобная травма обычно заканчивается смертью пациента. Особенно если его таскают в баню на руках и ворочают с боку на бок, словно куклу. А тут он как-то мыслит, значит, где-то даже существует. Выходит, всё не так страшно. Переждав очередной приступ боли, Матвей сосредоточился на шейных мышцах и принялся медленно поочерёдно их напрягать. По плечам, спине и шее пошли мурашки и началось покалывание сродни тому, какое бывает, если затечёт какая-то конечность.

Но примерно минут через пять голова кое-как пошевелилась. Это была маленькая, но победа. Приободрившись, Матвей дал себе немного отдышаться и принялся снова разминать шею. Поочерёдно напрягая все доступные мышцы торса, он добился некоторого результата. Голова медленно, со скрежетом и скрипом, повернулась. Убедившись, что может шевелиться, парень собрался с духом и медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел, большой стол, сколоченный из толстых досок. Что называется, на века сделанный. За ним, у стены, — широкая крепкая лавка. Да и сама стена была необычной. Шершавой, белённой известью. Такого дома у Матвея не было точно. Но самое странное, что поразило парня, иконы в углу. Широкий киот, несколько потемневших от времени икон и лампадка под ними. Вот тут Матвея проняло всерьёз. Это был не его дом. Не его комната, не его постель. Даже одеяло и то было чужим.

Вздвогнув всем телом, Матвей очередным усилием воли подавил надвигающийся приступ паники и, закрыв глаза, заставил себя сосредоточиться на увиденном. Но ничего не получалось. Вздохнув, парень снова открыл глаза и уставился в деревянный, белённый известью потолок. И именно эта вездесущая извёстка заставила его поверить, что он оказался непонятно где и непонятно как. И только теперь Матвей понял, что нечто подобное он видел в станичном доме деда.

«Это что же, меня в дедовский дом привезли? — думал он, скользя взглядом по доскам потолка. — Но зачем?.. Да ну. Не может такого быть. Дедову хату давно соседям продали. Он же у меня в городе жил. Кузня его никому не нужна стала, вот я его и уговорил переехать. Мы ж с ним одни остались. Ну да. Как родители погибли, так и всё. Из всей семьи только мы двое».

После этой мысли в памяти, словно специально, всплыла фотография, на которой его родители, ещё совсем молодые, только после свадьбы, стояли на крыльце дедовой хаты. Это была его любимая фотография. Он хранил её на отдельной полке в резной рамке. Матвею было двенадцать, когда родителей не стало. Пьяный водитель грузовика уснул за рулём и на полном ходу врезался в остановку, где родители ждали рейсового автобуса. Мать тогда была беременна вторым ребёнком.

После похорон дед забрал внука к себе и на все попытки властей забрать сироту только угрожающе басил:

— Я ещё вас всех переживу. А внука не замай. Мой он. И жить со мной будет. А коль попробует кто силой, так я и зашибить могу.

И для наглядности складывал в штопор новенькую подкову. Благо в сарае их целая корзина валялась. Силушки старому

кузнецу было не занимать. Это знали в станице все. И участковый в том числе.

Школу Матвей закончил в райцентре и после долгих размышлений решил податься в суворовское училище. Благо физически он всегда был развит и в аттестате ниже двух четвёрок оценок не было.

Но после училища стать офицером ему было не суждено. Страна начала разваливаться. Люди, желающие служить государству, оказались никому не нужны. Всем правил рынок. Отслужив срочную в армии, в разведке морской пехоты Тихоокеанского флота, Матвей вернулся в родную станицу и, убедившись, что жизнь на гражданке превратилась в нечто непонятное, попросил совета у деда. Ведь что делать дальше, было вообще непонятно.

— Учись, сынок, — помолчал, вздохнул старый кузнец. — К чему душа лежит, тому и учись. А дальше — как бог даст.

* * *

Вошедшая в комнату женщина выставила на стол широкую корзину с какими-то овощами и, отерев руки передником, подошла к лежанке, на которую уложили Матвея. Оглядев парня с какой-то жалостью, она вздохнула и, покачав головой, тихо спросила:

— Сынок, может, хочешь чего. Вижу ведь, что не спишь.

— Воды, — хрипло произнёс Матвей, судорожно соображая, кто это.

Кивнув, женщина вышла куда-то за печку и через минуту вернулась, неся в руке глиняную чашку. Ухватив его за шею, она с неожиданной силой приподняла парню голову и, поднеся чашку к губам, командовала:

— Пей, только не спеши, обольёшься.

Матвей припал к чашке, попутно продолжая судорожно вспоминать, кто это и почему лицо этой женщины ему так знакомо. Выхлебав всё, что она принесла, парень благодарно кивнул и попытался опереться локтем о кровать, но рука подвела, и он бессильно рухнул на большую пуховую подушку. Охнув, женщина жалостливо скривилась, но тут же взяв себя в руки, молча ушла на кухню.

«Что-то мне это напоминает, — подумал Матвей, провожая её взглядом. — Вот честное слово, такое уже со мной было. Ещё вспомнить бы, где и когда».

Но додумать свою мысль парень не успел. В сенях послышались тяжёлые шаги, и в дом вошёл высокий жилистый мужик с роскошными чапаевскими усами и аккуратно подстриженной бородой. Приветливо кивнув женщине, он оглянулся на лежащего Матвея и, едва заметно усмехнувшись, спросил:

— Ну как ты, казачок?

— Жив покуда, — заставил себя прохрипеть Матвей.

— Ну и слава богу. Вставать-то пробовал? — не отставал мужик.

— Не получается, — мотнул парень головой.

— Да куда ему ещё вставать-то, Гриша? — неожиданно вступила женщина в разговор. — Давеча едва живым не схоронили, а ты уже вставать.

— Цыц, баба, — беззлобно рыкнул мужик. — Нашего он корня, а значит, так просто не помрёт. Жив, значит, и двигаться может.

— Окстись, Гриша, — не унималась женщина. — Где ж это видано, чтоб человека молоньей стукнуло, а он уж через три дня ходить начал. Бога моли, что уберёт кровиночку.

— Ну, завыла, — обречённо махнул мужик широкой ладонью. — Уймись, Настасья. Не гоню я его. Но коли так и станет далее в постели валяться, никакой молитвой уж не поднимешь. Покуда казак жив, значит, и двигаться может.

— Да будет он двигаться, будет, Гриша. Дай только срок, — не уступила женщина.

— Добре. Поглядим, — помолчав, вздохнул мужик. — А сам-то что скажешь? — повернулся он к парню. — Будешь шевелиться-то?

— Уже пробую. Да тело словно не моё, — нехотя признался Матвей. — Вон, только что воды попросил, а удержаться на локте не смог. Не слушаются ещё руки. А что вообще со мной случилось? — осторожно спросил он, настороженно рассматривая мужика.

— А ты не помнишь? — удивился тот.

— Ничего не помню. Как отрезало, — качнул Матвей головой.

— От ведь... — тряхнул мужик роскошным смоляным чубом. — Ты на заднем дворе с шашкой упражнялся, когда гроза началась. Вот молонья прямо в шашку и стукнула. Думали, всё. Спалил Господь сына. А оказалось, нет. Живой. Прямо на отпе-

вании и очнулся. Поп едва сам себя кадилом не зашиб, когда ты руками шерудить принялся. Спасла царица небесная, — закончил он короткий рассказ, истово перекрестившись.

— А какой теперь год, дяденька? — решившись, тихо спросил Матвей.

— Ты чего это, паря? — изумлённо охнул казак. — Какой я тебе дяденька?! Батька я твой кровный. Григорий Лютый. Весь наш род от создания веку Лютыми были. И ты Лютый. Неужто не помнишь? — растерянно уточнил он.

— Нет, — судорожно сглотнув враз пересохшим горлом, еле слышно признался Матвей.

Это и вправду была их родовая фамилия. Лютые. По семейной легенде, фамилия эта пошла от основателя рода, Елисея Лютого, пластуна характерника, умевшего превращаться в волка. Понятно, что сказка, но эти сказки в казачьей среде звучали часто, так что некоторое основание под ними, возможно, и было. Но Матвея сейчас волновало совсем не это. В их генеалогическом древе Григорий Лютый был прапрадедом самого Матвея. А это имя парень носил в честь своего прадеда.

По всему выходило, что перед ним прапрадед с прапрабабкой. Именно с этого казака их семья и стала известными на всю округу кузнецами. Где уж Григорий сумел выучиться этому непростому ремеслу, одному аллаху известно, но мастером он был настоящим. Умел не только колхозный инвентарь ковать, но и оружие всякое. Говорили, что даже оружие огненного боя ремонтировать умел. Глядя на ожившую семейную легенду, Матвей судорожно пытался понять, что происходит и где он вдруг оказался.

Растерянно покрутив головой, казак обречённо махнул рукой и, развернувшись, вышел из хаты. Матвей перевёл взгляд на женщину и вздрогнул. Она смотрела на него полными слёз глазами.

— Выходит, вы мамка моя? — решившись, осторожно уточнил парень.

Он вообще пока старался делать всё очень осторожно. Потому как не понимал, что происходит и как это всё объяснить.

— Мамка, — чуть всхлипнув, кивнула женщина.

— А остальные где? Ну, там, братья, сёстры, — задал Матвей следующий вопрос.

— Так сестру твою, Марью, прошлой осенью замуж отдали. А боле и нет никого, — снова всхлипнула женщина.

А вот об этой ветви семьи Матвей ничего не знал. Затерялась семья в круговерти всех случившихся событий.

— А год какой теперь? — поинтересовался Матвей, пытаясь выудить хоть какие-то крохи информации.

— Так тыща восемьсот девяносто восьмой от Рождества Христова, — вздохнула женщина, утирая слёзы.

«Твою мать! Девятнадцатый век!» — ахнул про себя Матвей, роняя голову на подушку.

Сознание начало медленно мутиться, и спустя минуту парень просто отключился. Похоже, после всех полученных травм психика его просто не выдержала.

В себя Матвей пришёл уже вечером, чувствуя, что тело всё так же отказывается ему подчиняться. Но навалилась очередная беда. Выпитая днём вода настойчиво просилась наружу, а в доме, как назло, никого не было. Понимая, что ещё немного и случится большая неприятность, Матвей собрал все имевшиеся силы и принялся переводить себя в сидячее положение.

Ухватившись рукой за край лежанки, парень с глухим стоном принялся поднимать торс. Голова взорвалась резкой болью от напряжения, но тело медленно начало приподниматься. С матюгами, слезами и стоном усевшись, Матвей переждал приступ тошноты и принялся спускать с лежанки ноги. Рядом с лежанкой обнаружились кожаные чувяки. Кто их сюда поставил, Матвей не знал, да и не особо в этот момент интересовался. Главное, что не босиком до скворечника во дворе шкандыбать.

Кое-как утвердившись в сидячем положении, Матвей сунул ноги в чувяки и, резко выдохнув, попытался встать. Ноги подогнулись, и он со всего размаху грохнулся на скоблённый дощатый пол. От удара головой он в очередной раз потерял сознание. В себя его привели чьи-то руки и тихое, жалостливое причитание.

— Куда ж ты вскочил, сынок. Едва богу душу не отдал, и всё вскочить норовишь, — тихо причитала Настасья, пытаясь перетасить его обратно на лежанку.

— погоди, мать. Мне б на двор, — нашёл в себе силы произнести Матвей.

— Ох ты ж господи. Так ты потому и вскочил? — охнула женщина. — Так потерпи чуток, я сейчас горшок принесу.

— Лучше помоги дойти, — уперся Матвей, который всегда терпеть не мог ощущать себя беспомощным.

— От ведь порода Лютая, — заворчала женщина, помогая ему встать на ноги. — Что не мужик, так упрямее осла будет. Идём уж, горе моё, — бубнила она, помогая ему передвигаться.

Выбравшись на крыльцо, Матвей на минутку остановился и, оглядевшись, растерянно вздохнул. Перед ним было обычное казачье подворье. Крепкий плетень, всякие хозяйственные постройки и белённый всё той же известью дом под соломенной крышей. Добравшись с помощью Настасьи до туалета, Матвей кое-как справил свои житейские дела и, выбравшись из скворечника, замер, пережидая очередной приступ головокружения и тошноты.

— Что, сынок, плохо? — вскинулась женщина.

— Погоди, мать, дай отдышаться, — придержал её Матвей, оглядываясь вокруг.

За плетнём в одну сторону раскинулась бескрайняя степь, а с другой стороны в синеватой дымке виднелся длинный горный хребет.

— Мать, а где мы сейчас? — решившись, тихо спросил парень.

— Так Кубань это, — развела женщина руками.

— А станица как называется? — задал Матвей следующий вопрос.

— Так кореновские мы. Станица Кореновская это. Отродясь тута жили. Неужто не помнишь?

— Нет, — коротко мотнул Матвей головой и, оттолкнувшись от скворечника, попытался шагнуть к дому.

Но ноги опять подвели, и парень едва не грохнулся на землю. Настасья успела подхватить его за пояс и, вздыхая, повела к дому. Неожиданно Матвей услышал до боли знакомый звон и, оглянувшись, тихо спросил:

— Это батя в кузне?

— А кому ж ещё быть, — удивлённо хмыкнула женщина. — С утра у горна стоит.

Заведя парня в дом, Настасья помогла ему улечься и, присев на краешек лежанки, настороженно предложила:

— Матвейюшка, я там окрошки нарубила. Может, поснидаться хочешь?

— С квасом? — на автомате уточнил парень.

— Это там, у Москвы на квасе её делают. А мы тут всё больше по-кавказски, на кислом молоке, — усмехнулась женщина. — Но и на квасе бывает.

«Такую я ещё не пробовал», — усмехнулся про себя Матвей и, кивнув, ответил:

— Давай.

Получив в руки широкую глиняную миску с окрошкой и толстый кусок духмяного ржаного хлеба, парень осторожно зачерпнул деревянной ложкой предложенное блюдо и, отправив его в рот, настороженно прожевал. К его огромному удивлению, окрошка оказалась неожиданно вкусной. Прежде ему ничего подобного пробовать не доводилось. Родителей он потерял рано, а бабка готовила обычные блюда, принятые в центральной России. Да и прожила она не долго. Ушла следом за детьми, пережив их всего на три года.

Воспоминания о семье сжали горло парня судорогой, но он усилием воли отогнал тяжёлые мысли и заставил себя вернуться к делам насущным. Выхлебав всё поданное, Матвей перевёл дух и, отдавая миску Настасье, задал следующий вопрос:

— Выходит, меня стукнуло, когда я во дворе с шашкой упражнялся?

— Угу, — коротко кивнула женщина.

— А лет мне теперь сколько? Раз шашкой махал, выходит, и в полевые лагеря ездил. Получается, я в реестре пишушь?

— Так девятнадцать тебе по весне стукнуло. А в реестре ты уж три года как пишешься. Тебя ж в пластунскую команду вписали. Господи, неужто ничего не помнишь?

— Как отшибло всё, — вздохнул Матвей.

— И как батьке в кузне помогал, тоже? — не сдавалась Настасья.

— Ничего, — коротко мотнул парень головой.

— Господи, от же беда-то, — тихо всхлипнула женщина. — Как же ты теперь будешь?

— Главное, на ноги встать. А там посмотрим, — ответил Матвей, судорожно вспоминая, чем в это время занимались пластунские команды и чем ему грозит занесение в казачий реестр.

По всему выходило, что по первому же приказу ему предстояло явиться к месту сбора конно и оружно, и быть готовым к боевым действиям. С учётом того, что лет через пять должна разразиться Русско-японская война, ничего хорошего в этом не было. Особенно с учётом того, что он помнил, чем она закончилась для страны. Местные генералы воевать толком не умели и в итоге умудрились просрать всё, что только можно.

— Ну, дай-то бог, — между тем продолжала вздыхать Настасья. — Батька прошение атаману писал, чтобы тебя не только реестровым, но и мастеровым в реестре писали. Ты ж с малолетства с ним в кузне был. А кузнеца на всю округу лучше отца твоего не найти. Он и кузнец, и оружейник. Всякое умеет. Да и ты от него не отставал. Гриша гордился, мол, сын всю науку у него прошёл, есть кому искусство родовое передать.

— Даст бог, вспомню, — пробурчал Матвей в ответ, вспоминая годы, проведённые в институте стали и сплавов. Уж что-что, а состав различных оружейных сталей он помнил наизусть.

* * *

Спустя три дня после своего неожиданного перемещения непонятно куда Матвей уже осторожно ползал по хате, шаркая ногами, словно древний старик, и задыхаясь через каждые пять шагов. Тело некогда молодого, здорового мужчины просто отказывалось ему повиноваться. При первичном внешнем осмотре особого отличия от себя прежнего Матвей не заметил, но с организмом было что-то не так. Словно все его мышцы разом вышли из-под контроля мозга.

Просить принести себе зеркало парень не рискнул. И так за ним уже числилось порядочно несуразностей, чтобы ещё и о внешности беспокоиться, но на четвёртый день своих мытарств парень не удержался и, добредя до большой бочки, предназначенной для полива огорода и заполненной дождевой водой, попытался рассмотреть себя в отражении. Первой его реакцией было выругаться в голос. Это был одновременно он и не он. А если быть совсем точным, это был он, только примерно на десять лет моложе.

Тряхнув головой, словно отгоняя морок, Матвей наклонился пониже и всмотрелся в собственное лицо. Вот теперь стало ясно, что это было его собственное лицо, но на левой щеке, от

уголка глаза, вниз к челюсти и ниже, по шее и дальше под рубашку, извивался ветвистый синеватый шрам. Коснувшись его кончиками пальцев, парень ясно ощутил это прикосновение, но никаких болезненных ощущений не возникло. Словно этому шраму было уже много лет.

«Блин, вот это украшение, — мысленно присвистнул парень. — Это что, от молнии такое? Странно, что глаз при этом цел. Да и вообще, после такой прожарки можно было веником в сопочек собрать. Ладно. С рожей всё ясно. Всё равно ничего тут уже не исправишь. А вот что у меня с организмом?» — задался он более насущным вопросом».

— Сынок, ты чего там? — послышался голос, и к бочке подошла Настасья.

— Да вот, смотрю, что со мной случилось, — честно признался Матвей, зачерпывая пригоршню воды и умываясь.

— Главное жив, сынок. А с лица воду не пить, — произнесла женщина дрогнувшим голосом. — Да и какой казак без отметины? Тут почитай у всей станицы шрамы имеются.

— Одно дело — в бою шрам получить, а другое — вот так, на пустом месте, — проворчал Матвей в ответ и, махнув рукой, поплёлся в дом.

Больше всего его раздражала собственная беспомощность. Воспитывая мальчишку, дед не миндальничал и с первого дня вбивал в него одно, но непреложное правило. Ты мужик, а значит, права на слабость не имеешь. Пока движешься, мыслишь, значит, можешь всё, и справляться со всеми проблемами должен, как здоровый. Через боль, нежелание и все препятствия. Именно это правило спасало его и в уличных драках, и в армии, и в разборках со всякими отморозками.

К восемнадцати годам Матвей имел разряды по боксу и по рукопашному бою, так что противником он был непростым. А бояться дед его отучил в первый же год их совместной жизни. Точнее, научил мальчишку переступать через свой страх. Так что теперь, бредя к крыльцу, парень мысленно делал всё, чтобы не дать себе скатиться в отчаяние и истерику. Слишком много всего навалилось разом. И смерть деда, и удар молнии, и перенос непонятно куда, а главное, зачем. А самое главное, непонятно что творящееся с его организмом.

Усевшись на свою лежанку, Матвей задумчиво осмотрелся и, приметив на столе оставленную прапрабабкой ложку,

хмыкнул. Инструмент был явно старым и давно находившимся в употреблении. Края выщерблены. А значит, ему есть чем занять руки и спокойно подумать. Поднявшись, Матвей снова выбрался из дома и, добредя до навеса, где хранились дрова для печки, принялся перебирать нарубленный топором хворост. Выбрав подходящий по толщине обрубок орешника, парень с грехом пополам разрубил его пополам и отправился в обратный путь.

Подобрав в сенях старую корзину и кусок дырявой рогожи, он вернулся в комнату и, прихватив на кухне нож покрепче, принялся резать. Руки дрожали от напряжения, нож то и дело срывался, но Матвей упорно продолжал вырезать ложку с длинной рукоятью. Очевидно, она была у Настасьи чем-то вроде поварёшки. Вошедшая в хату женщина, увидев его за этим занятием, растерянно охнула и, не удержавшись, укоризненно произнесла:

— Вот ведь неугомонный. Ну куда тебе ещё работать? Полежал бы, да в себя покуда пришёл.

— Я уж все бока себе отлежал, — отмахнулся Матвей и, закусив от усердия губу, принялся срезать с обрубка всё лишнее под ручку. — Да и не шевелюсь я особо. Так, руки только двигаются, — выдохнул он, переводя дух.

— А чего это ты режешь-то? — вдруг заинтересовалась женщина.

Называть её матерью у Матвея пока получалось плохо.

— Да вон, заметил, что у тебя ложка вся словно обгрызена, вот и решил новую сделать, — кивнул парень на лежавшую на столе поварёшку.

— Простым ножом? — иронично усмехнулась Настасья.

— А чем ещё? — не понял Матвей. — Иного инструмента у меня нет.

— Как это нет. А у кого батька первый кузнец на всю округу? — тут же поддела его женщина. — Скажи, какой инструмент нужен, он и скуёт.

— А бумага с карандашом в доме имеется? — подумав, осторожно уточнил Матвей.

— Вон, за божницей лежат, — вздохнув, кивнула Настасья на киот.

Судя по её реакции, она вынуждена была выполнять приказ мужа и заставлять сына двигаться, как бы сложно на это